

Анна Шачикова

Пицца

Анна Шачикова

Пицца

«Издательские решения»

Шачикова А.

Пицца / А. Шачикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626019-1

Вкусная книга о молодой женщине 30 лет. Её жизнь на первый взгляд складывается вполне благополучно. Она владеет небольшим бизнесом, готовится выйти замуж за во многих отношениях успешного человека, поддерживает близкие теплые отношения с родителями и подругой. Однако, одним зимним погожим днем с ней приключается неожиданная история. Причем здесь пицца? Читайте и узнаете.

ISBN 978-5-00-626019-1

© Шачикова А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	20
5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пицца

Анна Шачикова

© Анна Шачикова, 2024

ISBN 978-5-0062-6019-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я всегда была большим любителем поесть. Это началось с раннего, еще беспмятного для меня детства. Бабушки часто закармливают своих внушек, но в моем случае им особо и стараться не пришлось, ведь я любила покушать отчаянно. Мучное, жирное, сладкое, шоколадное, румяное, подгорелое, копченое, полукопченое, словом всякое – лишь бы вкусное. Помню, однажды в детстве на даче мы, дети, разыгрывали перед взрослыми музыкальный спектакль под музыку из «Незнайка на Луне» и там была партия двух сытых мальчиков, которую доверили исполнить мне и моему троюродному брату. Ах, и с каким же упоением я пела «На палочках петушки и с повидлом пирожки!» Так врезалось в память, что эту незамысловатую песенку я помню до сих пор, хотя прошло уже больше двадцати лет. Еще вспоминаю смущенные взгляды мамы и бабушки, в то время как все остальные зрители хихикали или открыто хохотали, они две мои голубушки не знали, куда подевать глаза от смущения, так органично их сытый, румяный как сам пирожок ребенок вжился в образ.

И тогда-то должно быть на позднем вечернем совете они и решили «за меня взяться». Никакой сгущенки, булок, майонеза, конфет. Абонемент на год в бассейн и в тренажерный зал. В бассейн меня голодную и ноющую таскал папа, а в тренажерном зале я находилась под неусыпным контролем мамы. Вот так из симпатичного пончика-пирожочка-булочки получилась миленькая оформившаяся девочка десяти лет, чуть более круглолицая, чем остальные детки и чуть более дисциплинированная, чем они же. Она, дисциплина, стала моей постоянной спутницей с тех пор, как за меня «взялись». Мама говорила мне так: «Ты должна себя контролировать и держать ротик на замке». Тут подразумевалось не общеупотребительное значение этого выражения – помалкивать, а другое, употребительное для меня – поменьше есть. А папа поддакивал и если мне все-таки удавалось раз в месяц схитрить и пропустить поход в бассейн или зал, пока они с мамой то задерживались на работе, то были заняты домашними хлопотами, он вставлял свои веские «пять копеек»: «Да, а в бассейн и зал ты должна ходить, как по расписанию, как в школу. Пропустила – двойка, еще раз пропустила – кол». Хотелось ему напомнить, конечно, что у нас уже нет колов, но разве стоило спорить с папой?

В животе проиграла третья по счету трель, пока еще не назойливая, но уже отчетливо намекающая: «Дорогая хозяйка пора бы уже. Покорми меня, пожалуйста!».

Я зыркнула на Кирилла и Аню, они спокойно расставляли по полкам новые шампуни. Я хотела дать им еще какие-нибудь указания, но не находила, что бы такое указать. Прекрасные ребята, улыбочивые и добрые, да к тому же верные и трудолюбивые, каких лучших работников может еще пожелать неугомонный, немного нервический хозяин, точнее хозяйка, как я. Да и не неугомонная скорее, а поспешная, как в словах, так и в выводах. В чем в чем, а в этом мне дисциплины мне не хватало всегда!

Вот и вчера ни за что ни про что накричала на Кирилла. Клиентка написала отрицательный отзыв о нашем магазине, ее заказом занимался Кирилл, и я конечно сразу вскипела и разнесла его в пух и прах. Бедняжка, он стоял и краснел, пытался что-то возразить, но я не давала ему и слова вставить. А потом Аня набрала эту самую клиентку и, о боги, оказалось, что ошибки никакой со стороны Кирилла и не было, а сама клиентка и ошиблась, она конечно принесла извинения, я же стояла посреди кабинета дура душой и со всей остротой чувствовала, как же это плохо, когда тебе тридцать лет, а мозгов не прибавилось, а так и осталось, как в десять лет.

Естественно я промычала Кириллу какие-то извинения, но ситуация меня не отпускала. Я знала, что он, как и я, любитель вкусно покушать. И самое приятно-извинительное, что я могла для него сделать – это заказать на офис его любимую пиццу из нашей обожаемой до слюнепускания пиццерии. Ее я открыла год назад. Мы как раз с Толиком вернулись тогда из летнего

отпуска в Грецию. Толик весь наш отпуск постоянно ныл, что все там дорого и что мы уже потратили уйму денег. Однажды, когда денег оставалось по его словам уже катастрофически мало, мы попробовали с ним по кусочку пиццы, пока плавали на пароме вдоль берега Закинфа. И мне, и Толику на этом пароме стало плохо от качки, и от разъедающего кожу ядреного июльского солнца. Весь утренний наш завтрак благополучно и совсем неживописно ушел за борт парома в самые пенные гребешки волн, на которые до того я так сентиментально любовалась и представляла, что плыву по ним одна, совсем одна даже без Толика. Потом нам с ним стало полегче, и уже на обратном пути полегче видоизменилось в «Очень хочется кушать!». Делать нечего – купили в паромном баре по куску пиццы, хоть Толик кричал и бухтел, как пожилая сварливая старушка – он, видите ли, не питается фаст-фудом, а я такая нехорошая его заставляю. Умял он, правда, пиццу за милую душу, а я, что и говорить, за милейшую. И такая она оказалась вкусная, такая сочная и подслащенная от спелых помидор, тягучего сыра и неизвестного соуса, что как-то само собой мы с ним порешили, что в целях экономии и потому что где-где, а на отдыхе можно себе позволить немного вредной еды, выберем до конца отпуска пиццу ежедневным своим блюдом. Как же мы там ей отъелись! И ничуть не растолстели. Солнце пекучее, наверное, все сжигало, ну и еще бесконечные экскурсии, без которых Толику отдых не отдых и курорт не курорт.

Как бы там ни было, но после этого не самого, по правде сказать, приятного отпуска моим самым приятным и самым лелеемым воспоминанием осталась сытная, жирненькая пицца с воздушным ободком. По вечерам я вспоминала ее вкус, сидела и вздыхала, если Толика не было рядом, и с тоской думала: «Как жаль, что у нас такую пиццу не делают!». Я была уверена, хоть я раньше и не являлась поклонницей пиццы, что в нашем городе достойных пиццерий нет. Мы заказывали когда-то с Иннусей, моей лучшей подружкой, пиццу известного мирового бренда и она вроде как показалась нам съедобной. Но теперь-то, зная вкус настоящей объединенной пиццы, я понимала, что в наших местных мировых брендах от пиццы только название и коробочка, а остальное так – набить желудок тестом с мясом.

И вот однажды сидела я так вспоминала до состояния голодно-мечтательного обморока, что прям хоть опять в Грецию едь, залезла на популярный местный форум и зацепилась глазами за название пиццерии, которую все обсуждали «Пицца Синица». И отзывы, отзывы на нее были всё самые хвалебные и положительные, было правда несколько и отрицательных, но скорее технического характера: то не то положили, то пиццу холодную привезли, то курьер не улыбался, то неправильно дал сдачу. Но это такая ерунда, тем более для меня, у которой самой интернет-магазин косметики, и уж я то знаю, что без накладок бизнеса не бывает вообще. Зато какие были фото пиццы, выложенные на форуме, просто как в Греции, еще лучше! Ох, и я загорелась!

Первый раз я, несмотря на свой пыл, решила на заказ только через месяц. Возможно от того, что до сих пор дисциплинированно ограничивала себя во всем, ну или по крайней мере старалась. Мы с Кириллом принимали товар, его, товара, оказалось неожиданно много и так же непредвиденно затянулось и время приемки. Мы рассчитывали управиться в час, а на часах было уже три часа и конца нашей работы, пока не намечалось. В офисе жаровня, душно, запахи косметики и бытовая химии щиплят в носу, половина комнаты завалена коробками, тело потное и уже без сил, во рту сухо, а в животе очень-очень голодно. Словом, тут-то я и решила, что без моральной и физической поддержки нам никак не закончить эту утомительную приемку.

Когда «Пицца Синица» приехала, и курьер достал ее из сумки по всей комнате разошелся запах вкусноты и уюта. Он заглушил ароматы эфирных масел, мыла, кремов, шампуней и он пробудил в нас с Кириллом зверское желание побыстрее выпроводить курьера и приступить к пицце. Уже по одному запаху я тогда поняла, что эта пицца окажется вкуснейшей, бесподобной, одним словом мечтой!

Так оно и вышло. Я была так ненасытна, что не обращала внимания на такие мелочи, как тянется сыр, сколько положено начинки, достаточно ли помидор и соуса, то, что с такой придирчивостью обсуждается знатными пиццаманами. Мне это все было, извиняюсь, фиолетово. Помню только, что было изумительно, непередаваемо вкусно и тепло во рту. Ветчина, курочка, сыр, кусочки помидор, оттеняющие другие вкусы своей кисловатой сочностью и облегчающие поедание пиццы и в придачу сладковатый, с мельчайшим намеком на терпкость соус с базиликом, божественное сочетание, незабываемое!

С тех пор мы стали заказывать «Синицу» постоянно, но не часто. Я помнила о дисциплине, знала, к чему приведет ежедневное пиццопринимание и потому установила себе жесткий график – не чаще одной пиццы в месяц. Его я придерживалась легко и мне даже нравилось, что такое вот оттягивание удовольствия дарит еще большее наслаждение, когда ты, наконец, позволяешь своему желанию удовлетвориться.

Но сегодня мне предстояло нарушить утвержденный график. Я с сомнением посмотрела на ребят. Все-таки перед Кириллом я как-никак виновата, да и хотелось их порадовать. Решено – закажу для них пиццу в офис, их любимую «Пикантную» с огурцами и перчиком. Но одной пиццы на троих, а точнее четверых буде маловато, мы же с Кириллом знатные поглоатели еды. Четвертая сотрудница— его невеста Настя, она работает в другом магазине, через пару павильонов от нас. Естественно – в моем магазине. И Толика. Это наш, так сказать, совместный проект, и на удивление, несмотря на наши с Толиком частые разногласия, вполне успешный.

Решаю сделать ребятам сюрприз, заказав пиццу уже вне офиса, все равно одной пиццы на четверых будет мало, да и мне вовсе не улыбается ждать курьера еще 45 минут, лучше доехать до одной из пиццерий самой и там забрать свою, только мне предназначенную с пылу с жару пиццу в юморном пакете с изображением молодого еще Игоря Николаева с усами и пышными волосами.

«Ну все, ребята, до завтра, я домой».

– «Хорошо до свидания» – прощаются они со мной с улыбками.

И вот я уже на морозе, слабом белорусском семиградусном морозе, под поднимающим настроением блеском солнца сверху и его отражением от снега снизу. Повсюду все светится от солнца, и я ощущаю хоть и пощипывающий, но приятный холодок. В машине неслышно работает двигатель, внутри еще не нагрелось, даже пар идет изо рта, но нагреватель сидения начинает работать без задержки, и я постепенно оттаиваю. Звоню в любимую «Синицу» и заказываю одну пиццу своим работникам и вторую себе на самовывоз. И сразу две приятные эмоции вспыхивают на моем лице одной довольной улыбкой: уже представляю себе радость ребят и их благодарные речи, а я знаю, что они очень обрадуются, ведь я их удивляю вот так уже не в первый раз, а вторая оттого, что я уже прямо-таки чувствую свою пиццу у себя во рту, представляю, как я привезу ее домой, быстренько сниму куртку, шапку, открою коробки и там – Ах!

Ну все, хватит пускать слюнки! Пора ехать за пиццей!

2

Сложно найти в рабочее время хоть одно свободное место в столице, еще и перед небольшим бизнес-центром, а моя пиццерия располагалась именно в таком. Но я нашла и сразу два! На одно из них и въехала с легким недоразумением. Паркуюсь я всегда с недоразумениями, обычно не аварийноопасными, но, тем не менее, явно показывающими, что я в парковке, если не полный ноль, то где-то рядом с этим. В общем, места было предостаточно, поместиться мог бы и автобус, но я все равно умудрилась заехать колесом на пограничный бордюр. Ну что ж, со своей рассеянностью и полным отсутствием ощущения габаритов машины я научилась мириться, теперь я только хихикаю над этим или в особых сильно экстремальных случаях зову на помощь прохожих: «Посмотрите пожалуйста, не задеваю ли я эту машину», а иногда их и просить не приходится, видя мое напряженное и красное от беспомощности лицо, мужчины обычно сами улыбаются понимающей улыбкой, молчаливо подразумевающей однако «Когда же вы уже водить научитесь!», смело выступают перед моей машиной и, аккуратно сгибая ладони и шевеля пальцами, показывают, куда же мне ехать.

Ну, куда мне ехать с такими навыками мне и самой понятно. Я подхихикнула и в этот раз со своей неумелости и такая вот подхихикивающая, улыбающаяся натянула на голову свою любимую шапку молочного цвета с помпоном и отправилась за пиццей. На дворе тишина, чужд поодаль пробежал торопящийся курьер с термосумками, а как тут не торопиться, не приехал за сорок пять минут будь добр – пиццу клиенту в подарок, вот и бегают, и стараются. Выхожу на парковку самого бизнес центра, тут машин тоже мало, могла бы с легкостью стать и здесь, хотя решаю про себя, лучше не рисковать. Мало ли что. Иду, в общем, наслаждаюсь погодой и предвкушением пиццы. И даже не подозреваю, что за мной наблюдают. Да еще как! Так наблюдают, что, несмотря на холод, открыли двери машины и пялятся во все глаза. Я конечно взрослая девочка, но даже меня это обескураживает. Сразу собираюсь, подтягиваюсь вся и серьезно мигом. Иду и сама уже «пиллингую» боковым зрением. Машинка по моим понятиям классная, черная, отмытая до блеска, еще больше бросающегося в глаза на солнце, внедорожник. Внутри определенно лица мужского пола. Только вот мужчины ли, мальчишки ли или парни определить сложно. Естественно играет ритмичная клубная музыка. Кто бы сомневался!

Прошла мимо них и сразу – прямиком к окошку моей любимой пиццерии. «Так-то и так я за пиццей», а они мне «подождите еще, пожалуйста, пару минуточек». В первый раз со мной такое. Раньше к моему приезду все уже стояло и дымилось за окошком. «Ладно, – думаю, постою подожду». Какая-то девушка курит тут же на площадке, по ступенькам то и дело снуют курьеры с пиццами. Перегибаюсь через перила и умиротворяюсь от вида двора, усыпанного солнечным снегом – уютные, малоэтажные дома из кирпича, небольшая детская площадка, тонкие ветки голых кустов, кое-где накрытые белыми шапками, а за ними яркое солнце, первозданная красота чистого зимнего неба, успокоение. Их машину вместе с ними я не вижу, она скрыта боковой стеной. Кто-то ловко за моей спиной взбегает по ступеням, оглядываюсь: острый взгляд на меня, потом стук в окошко, просит там что-то и благодарит. Отслеживаю его обратный путь – о да он оказывается пассажир блестящей машины. По виду такой молоденький, совсем мальчик. «Понятно, папа с сыном приехали», – решаю про себя. Жду дальше. А морозец-то пусть и небольшой, но дает о себе знать, пальчики хоть и в толстых перчатках, уже дубеют на кончиках. Отчего же пиццу не отдадут – мой резонный вопрос, но не хочу лезть опять в окошко, отвлекать девочек и возмущаться, настроение такое хорошее, можно и обождать.

Опять слышу шаги, точнее вижу шаги по крылечной лестнице. Снова молодой парень. Он бросает на меня боковой цепкий взгляд и отчего-то мне становится неудобно. Может

оттого, что они сидят в теплой машине, а я торчу тут, на холоде, как марфушенька-душенька? По ступенькам он не всходит, а взбегаёт, легко и непринужденно. И так же легко он и одет – только модный синий костюм, к тому же с распахнутым пиджаком. «Не околеет он так?» – быстро проносится у меня в голове. Он подходит к окошку, стучится, вежливо интересуется, готова ли их пицца, а я стою – глазею. Костюм сшит идеально, и сидит тютельница в тютельку по фигуре, такой модный мужской костюм с узкими брюками и изящным приталенным пиджаком. Фигура у парня отличная, но вся какая-то слишком тоненькая и легковесная, как на мой вкус. И да, непонятно, он вообще кто, мальчик, парень или мужчина, наконец. Я склоняюсь к мальчику-парню, но кто поймет, тем более лица его я почти не рассмотрела. Ах, да и какая разница, кто! Были у меня уже когда-то мальчишки-парни – безответственные, ленивые и инфантильные. Спасибо, накушалась! Уж тем более в двадцать девять-то лет!

Их пицца оказывается готова. Неожиданно отчетливым и благодушным тоном на прощание девушкам в окошке он говорит: «Спасибо большое!». Меня эта благодарность трогает. Я всегда сама так люблю говорить. Толик обычно буркнет «Пасиб» и то в лучшем случае, а то и вовсе лишь кивнет головой или промолчит. А мне важно поблагодарить от души. Мама с папой с детства приучали меня к работе, хоть мы ни в чем и не нуждались. Я работала и продавцом, и официанткой, и даже уборщицей. И как же хорошо я знаю, до чего приятно, когда тебя на твоей маленькой должности с твоей никудышной зарплатой искренне по-человечески благодарят.

Он, этот мальчик-парень, грациозный как эльф, убегает так же быстро, как и появился, бросив, правда напоследок, насколько я успеваю заметить, тот же цепкий взгляд в мою сторону. Но мне уже не до того. Как так: их пицца уже готова, а я стою тут уже десять или пятнадцать минут, а моей все нет и нет? Стучусь в окошко и спрашиваю, где же, где же моя пицца запропастилась? Оказывается, они мне звонили на телефон, сообщить, что пицца уже готова. «Ну, – думаю, – лучше бы окошко открыли и позвали. Телефон-то я в машине оставила». Ладно, главное, что пицца уже в моих изрядно примороженных пальчиках, и они скованные до этого момента морозом, теперь становятся мягкими и податливыми от нагретой коробки. И самое прекрасное, что уже сейчас, даже не заглядывая в пакет, даже не залезая в коробку, я чувствую этот запах, запах вкусной пиццы и моей предстоящей радости!

Черного автомобиля, естественно, на стоянке уже нет, и я ловлю себя на мысли, что мне даже как-то досадно. Некая связь, что ли установилась между мной и теми ребятами, пока мы каждый ждали своей пиццы. «Связь заядлых любителей пиццы!» – смеюсь про себя. Подхожу к машине, открываю замок и вдруг улавливаю боковым зрением яркий блеск черного автомобиля – он проезжает мимо меня в том же направлении, куда собираюсь ехать я. «Вот, – думаю еще с большей досадой, – надо было сидеть в машине и так пялиться, а потом бегать туда-сюда в костюмах, чтобы вот так запросто Бжих и уехать! Хоть бы замедлились и посмотрели бы на прощание».

Сажусь в машину и меня разбирает азарт. А что если я успею еще их догнать? Сама же говорю себе: «Да зачем тебе все это надо? Два неоперившихся птенца! Скорее всего, на маминной машине. И ножки у того последнего такие тонкие! Детский сад!»». Но все доводы и про ножки, и про рожки остаются неучтенными, я бросаю пиццу на соседнее сидение, где все же не забываю включить подогрев, нажимаю на газ, к моему счастью позади меня на дороге свободно, и разгоняю машину во весь опор, который позволяет городская дорога и спящие полицейские, и несусь по следам только что проехавших здесь незнакомцев. Проезжаю один поворот, где они могли бы оказаться, второй, третий и начинаю терять надежду. Дальше кольцевая, и если они выехали туда, то шансов на нашу встречу нет никаких. Мечты мечтами, а реальность реальностью и в моей реальности видимо не посчастливится оказаться места красивому романтическому сюжету про нечаянную встречу, нечаянное «нашли друг друга» на дороге и дальнейшее нечаянное знакомство.

Проехав кольцевую, с легким привкусом разочарования я съезжаю с неё на нужную мне дорогу. Это трасса на Витебск. Живу я в ближайшем к пригороде, в московском направлении, по соседству с родителями. Включаю музыку на полную и смотрю на пиццу – «Какое дело мне до этих ребят, если совсем-совсем скоро мне будет так вкусно!». Солнце светит, пицца греется рядышком, дома меня ждет уют и комфорт, а сейчас еще я найду на флэшке свою любимую мелодию и тогда... Подъезжаю к светофору и резко, откуда-то справа, передо мной вырывается черный сверкающий автомобиль. Я не верю своим глазам. Как, где, откуда и почему они выехали? Справа от дороги только строительный гипермаркет, вряд ли они успели бы что-то там купить, да и тем более с горячей просящейся побыстрее ее съесть пиццей. Других людей в машине, кого они могли бы забрать по дороге, нет. Значит, они где-то стояли и ждали. Кого, чего?

Все это я обдумываю, двигаясь за ними в соседней полосе. Едем быстро, здесь ограничение 110, но я усиленно рассуждаю сама с собой, поэтому неосознанно замедляюсь и не свожу глаз с их автомобиля. Сейчас, совсем скоро через какой-нибудь километр будет поворот в наш поселок, они, судя по всему, сворачивать туда не собираются, ведь несутся в крайней левой, но если свернут. О тогда все будет ясно! Они чуть впереди от меня настолько, насколько позволяет еще один автомобиль, я неспешно начинаю перестраиваться в крайнюю правую полосу для поворота, хоть расстояние до него еще вполне приличное. Возможно, просто хочу показать им, намекнуть, мол, «эй ребята не провороньте, куда я сейчас заверну, и успеете нырнуть туда же следом за мной». Перестроилась, но приходится тащиться за каким-то грузовиком. И пускай я в парковке полный профан, но уж в езде я себя мню если и не профессионалкой, то уж ничем не уступающей хорошим водителям мужчинам, хотя иногда и признаю, что мнение мое возможно излишне самоуверенное. Попутно замечаю, что они вроде и не собираются совершать никакого маневра, обидно, но признаться честно, предсказуемо. Какой мечтательной глупышкой надо быть, чтобы поверить в то, что они действительно поедут следом за мной. В такое я верила лет пять назад и даже два года назад, но ни разу, машина которая, как мне казалось, преследует меня, взнузданная горячим порывом своего хозяина, не оправдывала моих смелых ожиданий. В самый сладчайший предвкушаемый мной момент, когда становилось бы очевидно, что я не ошиблась в своих предположениях, она сворачивала в совершенно противоположную сторону или что еще хуже с безразличным видом обгоняла меня и проносилась мимо, даже не удостоив легким притормаживанием.

Обгоняю грузовик и на пару секунд занимаю снова среднюю полосу и в этот же самый момент, как я ее занимаю, лоснящийся черный автомобиль безукоризненно ловко и быстро меняет полосу в направлении «моего поворота». И я теперь за ним, за ними, потому что и мне уже настало время поворачивать. В поворот я въезжаю прямо следом за ними, они замедляют ход и теперь расстояние между нашими машинами настолько незначительное, что я отчетливо вижу их головы через лобовое стекло. Я смущаюсь, мне становится жарко, щеки горят, шапка жмет голову, хоть она очень мягкая, шарф душит шею, а тело просто вспревает под курткой. Мне необходимо себя чем-то занять и отвлечься, и я не нахожу лучшего места и времени, как опасный участок дороги с крутым заворотом на въезде в поселок, чтобы начать раздвигаться. Одновременно с этим процессом подбавляю газа, ехать за ними невыносимо, я встраиваюсь в соседнюю полосу и хочу опередить их. Шарф уже наполовину размотан, я приближаюсь справа к их машине и вот-вот должна с ними поравняться. Впереди светофор и на нем красный свет, и мы оба замедляем ход! И уже, выравниваясь с ними и держа в руке наполовину размотанный шарф я вижу, что у них открыто водительское окно. «Кошмар!». Глупая паника заставляет меня бесцельно шарить пальцами по кнопкам бортового компьютера. «Смотри хоть куда-нибудь, но только не поворачивай голову направо!». Мне так интересно и так страшно одновременно, а что если они просто открыли окно, чтобы проветриться, а я как дурочка начну на них смотреть? «Да конечно, больше им делать нечего, проветриваться в десяти градусный

мороз!». Или, может быть, окна запотели – «В такой машине???»». Ох, светофор переключается на оранжевую круглую мину с серьезным видом, который изображает просто прямая черная палочка вместо рта и двое глаз в виде черных круглых точек. В этот-то момент я сдаюсь и бросаю беглый взгляд направо. Там, справа, в машине на меня в упор смотрят умные серьезные глаза. Без дурацких улыбок и ухмылок, которые я втайне боялась увидеть. На меня просто смотрят. Это так странно, я тоже смотрю на него. Протяжный нервный гудок сзади. Резко отворачиваюсь и рву машину вперед. Паника разрастается еще больше, и теперь я безрезультатно пытаюсь расстегнуть куртку и даже ее снять. Я превышаю скорость, еду на восьмидесяти, хотя здесь ограничение шестьдесят. «Главное оторваться, главное оторваться» – стучит у меня в голове. Взглядываю в боковые зеркала, зеркало заднего вида, проверяю, где они, точнее он, второго я даже и не усмотрела, да и он, второй тоже был занят похоже своими делами. Машины не видно, но сзади в метрах трехстах едет большая группа автомобилей, и я уверена, я чувствую нутром, что никуда он не свернул, что он там в этой группе, едет поодаль, шифруется и продолжает за мной наблюдать. На следующем светофоре мои подозрения подтверждаются. К моей панике к этому моменту добавляется еще неизвестно откуда взявшийся страх. Светофор здесь долгий. Они стоят в соседней крайней левой полосе, на корпус одной машины от меня. Загорается стрелка для поворота направо. Правостоящие спокойно следуют по ее направлению. Мы же продолжаем стоять, для меня светофоров больше не осталось, ведь следующий дом мой и мне нужно только свернуть направо, в карман, через каких-то сто метров. И я понимаю, что шансы на то, что черный сияющий автомобиль, притаившийся сзади, свернет в этот же карман следом за мной очень и очень велики. А дальше... Дальше ситуация может перерасти в одну из моих оживших фантазий. Но дикий страх сковывает меня, я боюсь, я не хочу этого или хочу, я не знаю. Загорается оранжевый, потом практически сразу зеленый, все трогаются с места, я следом за всеми, и я уже еду и вдруг – бросаю быстрый взгляд в правое зеркало и, не увидев помехи, молниеносно перестаиваюсь на правый поворот и на всей скорости въезжаю на ненужную мне улицу, по ненужной мне дороге, по неведомой мне причине. Остальной поток машин проезжает прямо, как и следовало ожидать. Я еду еще метров пятьсот до разворота налево, внутри сначала чувствую облегчение, а потом оно вдруг сменяется отрезвлением и недоумением – зачем я это сделала?

Пицца оказалась горячая и очень вкусная. От свежести и теплоты она растекалась в руках, курица и мясо были нежными мягкими, тесто тонкое, воздушное и совершенно не сухое, а даже немного размокшее, но не от недопекания, а от обилия начинки. Пожалуй, вкуснее этой пиццы я еще ничего ни разу не пробовала, «Синички» постарались на славу и испекли для меня настоящий идеал. Но к своему удивлению я почти без аппетита съела лишь пару кусков и почувствовала, что насытилась. Внутреннее возбуждение меня то и дело подрывало и подводило к окну. Что я надеялась в нем высмотреть? Двух ребят в сверкающей черной машине, едущих по окрестностям в лучах еще высокого, но готовящегося к закату оранжевого солнца и высматривающих непредсказуемую, шарахающуюся людей девушку? Пустые надежды, тем более для двадцати девяти лет! Я вздохнула и пошла заваривать чай, но не удержалась и опять метнула внимательный взгляд из окна на дорогу. Ничего, пусто, только зеленый длинный автобус, громко кашляя, неспешно тянется по строго очерченной белой линией крайней правой полосе.

«Ну, в конце концов не так много людей живет в нашем поселке. И еще меньше тех, у кого такие машины, как у меня, а среди них еще меньше девушек. Если сильно захочет отыскать, то найдет способ и отыщет, а если нет, что ж... значит – не судьба!».

3

Если бы я знала тогда, что терпеть задержки и превратности «не судьбы» окажется так сложно, я поостереглась бы выносить столь легковесные заключения. И вправду, если еще в первый день после моего маленького приключения я обходилась представлениями о том, как Он меня ищет, пытается высмотреть мою машину, а во второй представляла, что сейчас вот-вот мы где-нибудь случайно ненароком столкнемся, то на третий день меня обуяло просто какое-то помешательство, от которого я то смеялась, то чуть не плакала.

Но обо всем по порядку. Ведь обыденная моя жизнь продолжала идти. В этом походе немаловажное место занимал Толик, родители и мой так пусть и маленький, но все-таки Бизнес. Так не люблю это слово бизнес. Может оттого, что бизнесменами стали называть себя все, кому не лень. А может еще и оттого, что это так модно – заниматься бизнесом, быть бизнесменом. Как по мне так модного, а уж тем более приятного в этом ремесле мало. Часто приходится топтать по колено в грязи на складе, пока выгружают товар в твою машину, еще чаще ломаются ногти и царапаются пальцы, когда помогаешь разбирать этот же товар и уж совсем часто болит голова от недосыпа, недоедания, недоотдыха. Бизнес – это что-то глобальное, что-то, что приносит всеобщую пользу, а не только пару сотен (или тысяч) долларов дохода. Поэтому у меня не бизнес, а так занятие, ремесло, которое все же давало мне, надо признаться, относительную вольность и плавающий график. Давало, нужно уточнить, до появления моего совместного проекта с Толиком. Год назад мы с ним договорились об открытии общего небольшого магазина товаров для дома и с тех пор у меня снова появился директор, только не по графику с 9 до шести, а двадцать четыре часа в сутки, и этот директор – Толик.

Два дня «после пиццы» я всячески отбивалась от его телефонных атак, звонков родителей и зазываний подруг в гости. Все мне это казалось неуместным и лишним, выводящим меня из приятных мечтаний о возможной нежданно-негаданной и тем не менее чуть не специально подстроенной (естественно не с моей стороны) встрече. На второй день я даже дошла до того, что сбрасывала звонки Толика, представляя, как он взбесится с его-то нетерпением и установкой, чтобы все было так, как ему хочется. После сброшенных звонков от моего благо-, но не совсем уверена верного ли, стали раздаваться трели от моей мамы с задержкой в 10—15 минут, из чего я сделала вывод, что Толик где-то ей дозвонился, бесцеремонно оторвал от дел и обиженно пожаловался на ее непутевую дочь. Не поднимать трубку на маму я не посмела, и у нас состоялся следующий разговор:

– Привет.

– Здравствуй, дочка. У тебя там все нормально? Давно тебя не слышала.

– Да, мамочка. Все хорошо. Как раз еду за рулем на работу, разговариваю с тобой по громкой связи. Ой-ой, какой гад, так меня подрезал! – краснея, но ведь по телефону мама этого не увидит, вру. А сама только что назавтракалась бутербродом с колбасой, и сейчас несмотря на холод высунулась в окно, за которым шумят проезжающие автомобили, чтобы создать «эффект» так сказать езды.

– Что же ты мне сразу не сказала? Все, вешаю трубку. Будь аккуратнее! Главное, что у тебя все хорошо, этого мне достаточно знать.

Пим-пим, мама отключается, а я наконец-то могу закрыть окно, пока трубка не примерзла к моему уху.

«Какой же все-таки Толик... ладно нельзя говорить неприличные слова даже про себя, значит какой же все-таки он гнилой редис этот Толик. Точно, что Толик – обосрал столик. Не зря бабушка его так прозвала!».

На работу я и впрямь собираюсь, но для начала хочется приготовить свиных отбивных и картошку почистить, чтобы вечером, когда вернусь домой, было меньше мороки, и я от лени, и от невозможности ждать не съела бы весь холодильник.

Как досадно, когда я кем-то заинтересовываюсь – кусок не лезет в горло или лезет, но меньше, чем обычно, а когда все дело начинает меня тревожить своей неопределенностью и незавершенностью – тогда в меня кажется готов поместиться поросенок или даже взрослая свинья. И к великому стыду я и сама через недельку-другую такого усиленного питания становлюсь похожа чем-то на это животное. За отбиванием свинины и чисткой картошки слезла полпакета семечек, проглотила большой банан, засыпала в себя пару пригоршней грецких орехов и схрумкала остаток подушечек с молочно-шоколадной начинкой. Да уж! Одним словом, диетчица. Представляю, какой бы хай поднял Толик! Обязательно прошелся бы по моей заднице, моему подвисяющему не только в наклоне животу, подбородку предательски образующему маленькую складочку, когда я опускаю голову и щекам, похожим, как он говорит на бургеры из Макдональдса.

Судя по критике, которую на меня периодически от настроения и постоянно по убеждению выливает Толик, можно подумать, что сам-то он как минимум Аполлон Бельведерский. Признаюсь, я и сама так подумала, когда впервые его увидела. Но как я ошиблась, как непрофессионально и наивно ошиблась!

Мы встретились с ним, с моим предположительным суженым-ряженым в трусы обряженным (еще один «перл» от моей бабушки Наташи) весьма, надо признать, романтично. Год назад, приблизительно в ту же пору и, забавное совпадение, в ту же погоду, что и мое пиццерийное недознакомство я, получившая от папы выговор, что в связи с постоянной ездой за рулем и сидением дома, и на работе на мягкой точке, недостаточно двигаюсь, решила сделать ежедневные пару километровые прогулки своим обязательным занятием и клятвенно обещалась папе их придерживаться. С этой целью я оставляла свою машину подальше от офиса, может в километре или двух, дабы прогуляться пешком. В этот день я даже оделась для прогулки особенно, спортивно-элегантно, насколько спортивный стиль это позволяет: белая шапочка с пумпоном из кролика, белый пуховичок до середины бедра, белые рукавички, молочный шарфик (немного выбился из цвета) и карамельного цвета угги с белым мехом. Солнце светило обманчиво ласково, радостно отражаясь от белого, покрытого ледяной блестящей коркой снега, небо голубело дальше некуда, и я уверенная и бодрая резво выпрыгнула из машины и энергично, почти вприпрыжку зашагала на работу.

Вскоре, правда, моя «вприпрыжка» трансформировалась в «впридышку», нос покраснел и в нем нещадно зашипало, из глаз полились слезы и не только из глаз, из носа тоже что-то полилось, колени одеревенели, в лицо предательски прожекторило солнце и на нем, моем лице, было подобие улыбки, которая подразумевалась сначала, когда только я начала свой победный оздоравливающий марафон, а теперь на скукоженном морозом и светом лице эта улыбка трансформировалась просто в зачехенный растянутый рот с выставленными на обозрение зубами. Я чувствовала, как вокруг глаз собрались складочки сморщенной кожи, такое бывает, когда хочется что-то открыть, и ты морщишься изо всех сил, будто чем сильнее ты сморщишься, тем легче тебе это будет сделать. Вот и я морщилась должно быть от желания не ослепнуть, не зачехенеть и где-то на подсознательном уровне – изобразить все-таки, хотя бы, заведомо обманывая себя, удовольствие от красивого лучистого зимнего дня.

Минут через десять на дороге появилась, внушающая надежду на спасение от яркого света, большая тень от длинного и массивного, недавно выстроенного дома. Тень дала хоть-какое-то расслабление лицу, но телу в ней стало как будто в несколько раз холоднее. Тогда я ускорила, уже отчаянно желая выбраться на солнце. Я непреднамеренно усмехнулась этому своему глупому желанию, а потом усмехнулась еще больше – на этот раз нелепости своей так не вовремя зародившейся приверженности зимним прогулкам. Вдруг я увидела справа от себя

в тени не только дома, но и нависавшего козырька офиса под эффектным названием «Сибирский Лось» подтянутую и высокую мужскую фигуру в темной куртке и таких же темных джинсах, которая искренне мне улыбалась простой дружеской улыбкой. Я поняла, что получается будто я улыбаюсь ему в ответ, думая на самом деле о своем, но улыбку с лица не убрала, а добавила в нее еще немного радушия и, уже не намеренно, смущения. Он направился ко мне, держа руки в брюках, все-таки мороз на дворе! «О, да он красавчик!», подумала я, когда он подошел уже совсем близко. Капюшон на голове не давал разглядеть его полностью, да это было и не важно, поскольку и лицо, и фигура явно свидетельствовали в его пользу. В лице у него не было чего-то такого примечательного и выделяющегося. Оно выражало незамысловатость и приятность и этого было достаточно. Светлые глаза, светлая кожа, средний нос, в меру тонкие губы, мужские твердые скулы и достаточно волевой подбородок.

Мы познакомились с ним сразу же, без лишних церемоний. И уже на следующий день условились встретиться в кафе неподалеку, куда каждому из нас было удобно и быстро добраться. На следующий день я одела платье, сапоги на каблуках, уложила волосы в «надутую» прическу, сделала полный боевой раскрас лица и ровно в назначенное время пожаловала в не то что простое, а даже в какое-то простецкое и явно дешевое кафе, с разливающимся по нему дымным запахом сигарет и приторных туалетных вод. Меня это поначалу немного смутило. Выбор места для первого свидания показался мне, мягко говоря, странным. Но я девушка, не избалованная первыми свиданиями, а тем более в кафе пусть и в таких и потому решила закрыть глаза на место и открыть их на человека, пригласившего меня. Я долго искала его глазами, но меня ждал второй сюрприз: кавалера моего нигде не было видно, и это несмотря на то, что я, как и полагается девушке, опоздала на целых десять минут. Ближе к центру зала сидело лишь несколько пар, чуть поодаль компания из уже изрядно наотмечавшихся мужчин в возрасте хорошо за сорок, а в самом дальнем конце светила лысиной чья-то округлая голова. Ко мне подошла официантка, я ответила, что у меня назначена встреча, но моего «встречающего» судя по всему еще нет и попросила усадить меня куда-нибудь поудобнее. Она провела меня за самый ближний столик, где я могла бы сразу же заметить моего потерявшегося кавалера. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, я могла бы позвонить, но, к сожалению, я не взяла его номер и только оставила свой. Где-то после двадцатой минуты у меня стал вибрировать телефон.

– Аллю!

– Привет! А ты где? Я сижу уже здесь жду тебя полчаса, – выговорил не слишком довольный мужской голос, как я поняла, моего опаздывающего кавалера.

– Где?, – удивилась я. – Я здесь в кафе. Тоже сижу и жду, и тебя нигде не вижу.

Я стала оглядываться по сторонам. И тут, о боже!, лысая голова из дальнего угла обернулась на меня и... оказалась моим кавалером! Он, улыбаясь, но как мне показалось не совсем искренне, направился ко мне, и, пока он шел, я тщательно старалась поджать в радость, оплывающее вниз разочарованием лицо. Я не сноб и не слишком-то разборчива и совершенно ничего не имею против лысых мужчин, но только тогда, когда они лысые на всю голову! Но когда у них на голове прическа, как у монахов Средневековья, щеточка волос под ушами, редкое подобие челочки спереди и несколько «недобитых» волосин на затылке... Одним словом такая прическа способна убить любой романтический порыв. «Да, я сильно ошиблась. Как же я не заметила?», – спрашивала я себя и тут же отвечала, – «Заметишь тут, когда он в шапке и капюшоне!». Он подошел, сел и несмотря на мою безразличную разочарованность, между нами как-то сразу и легко завязался разговор. К удивлению, в разговоре он оказался таким же простым и приятным, как и его лицо, уточним – без учета волос. Он вежливо поинтересовался, сначала о том, чего бы мне хотелось поесть. Потом стал не менее вежливо спрашивать, кто я и что я, задавал вопросы о моей семье, учебе, нынешней жизни. Потом я переняла эстафету вежливости, начала расспрашивать его, и он открыто рассказал о себе, вскользь о своих родителях,

о том, что он так же, как и я единственный ребенок в семье. Дальше стало проявляться еще больше совпадений: и один институт, и похожая профессия, и родственные занятия, и даже работы похожие, он, как и я имел небольшую фирму, вот ту самую под запоминающимся названием «Сибирский Лось». Но самое сближающее – был наш возраст, мне 28, ему 32. Прекрасная разница – как отметила потом моя мама. И наконец то, что заставило меня отказаться от планов поскорее покинуть кафе и в том числе и его раз и навсегда, а также отбросить разочаровывающую мысль «Да, я сильно ошиблась!» – это было его прямо высказанное желание, даже так – заветное желание: завести семью и детей в ближайшем обозримом будущем, и что если он встретит подходящую девушку, то не станет мешкать и максимум через год сделает ей предложение.

Для меня, на тот момент двадцативосьмилетней девушки, послушной и воспитанной в старых добрых традициях, такие слова оказались, как красная тряпка для быка. И, уже расставшись с ним после «спасибо, это был очень приятный вечер!» и после паручасового обдумывания этой встречи дома, потом на следующий день после как минимум пятичасового обсуждения по телефону этого свидания и самого его субъекта, Толика, сначала с Инной – лучшей подругой, потом с мамой и наконец с бабушкой, и наконец после получения обязательного послесвидательного звонка заинтересованности я к позднему вечеру следующего дня уже твердо для себя решила – «Надо брать!».

Выкатываюсь из дома колобком. Напялила на себя целую кучу одежды, потому что вчера по телевизору и сегодня по всем новостным сайтам предупреждение: пришел очередной страшный-страшный холодный-холодный циклон естественно с оранжевым уровнем опасности, ГАИ предупреждает будьте бдительны. Вот меня этот оранжевый уровень опасности в последнее время начал уже немного и «напрягать». Вся эта «оранжевая суета» началась с того, что три года назад, ранней весной, Гидромет предупредил всех о надвигающейся снежной метели и о том, что лучше без крайней необходимости в этот день не пользоваться автомобилем. Мы, жители города, естественно послушали, поохали и дружно на следующий день воспользовались своими «лошадками», потому что как назло у каждого оказалась та самая чрезвычайная необходимость, которая выразилась в том, что по морозу не хочется на работу ехать на общественном транспорте, а на своей машине тепло, быстро и удобно. Я в тот памятный для всей страны день болела и сидела дома. С утра вроде все было хорошо, а после обеда, как задуло, как замело, как посыпало! Встало все. Снежные заносы оказались такими, что люди не могли двигаться вообще никак. Пробки образовались на десятки километров, снегоуборочная техника не могла преодолеть сугробы, и люди стояли в машинах, глохли, мерзли. Стояли часами, некоторые стояли всю ночь и даже были случаи смертельного исхода. Потом еще несколько дней снег убирался, но этот неожиданный ураган, о котором предупреждали, но которому, как всегда, не поверили, очень сильно испугал людей, и по всей видимости, Гидромет. Вот он и стал с тех пор при каждом намеке на неблагоприятные погодные условия перестраховываться: «Объявлен оранжевый уровень опасности! Сидите дома и никуда не высовывайтесь!».

За год я отменила с десятков важных встреч, раз двадцать не поехала на работу, еще большее количество раз поехала, но на автобусе и все только потому, что в новостях с завидной регулярностью появлялось «Объявлен оранжевый уровень...». Даже чуть не отменился наш отпуск с Толиком, потому что, видите ли, в день нашего вылета ожидался шквалистый ветер и усиленные осадки с грозой и градом. Толик сразу же «встал в позу», что мы никуда не летим. До вылета оставалась пара часов, а я висела на телефоне и умоляла его изменить решение. Ничего не помогало. Пришлось подключить «тяжелую артиллерию» в виде моего папы. Только тогда Толик и сдался. Я, если признаться, тоже не люблю рисковать и если бы вылет можно было бы перенести, то скорее всего согласилась бы с Толиком. Но мне так хотелось отдохнуть! Впервые, ещё и с любимым человеком!

Мороз щиплет щеки, а в тени они просто костенеют от холода, но зато потом опять выходишь на солнышко и будто свет набирается в них, идешь и радуешься, что тепло одета и что сейчас сядешь в машину с подогревом сидения и руля. В машине опять звонит Толик. И я опять же не беру трубку. Но на этот раз у меня для самоуспокоения придумана блестящая отговорка: «Салон не успел прогреться, в машине холодно, и если я сниму перчатку, чтобы принять звонок, моя рука покроется сухими корочками, станет грубой и шершавой».

Да уж, нечего сказать, хороша отмазка!

Отчего я не хочу с ним поговорить? Почему не могу выдавить из себя пару ничего не значащих слов, сказать, что у меня все хорошо, что я еду на работу и что наберу его позже? Но нет, не могу и все! Загадка, большая такая загадка.

В офисе меня как всегда встретили улыбки, радостный активный настрой и ощущение молодости. Должно быть это ощущение происходит от того, что у меня очень молодой коллектив – в среднем 20-летний. Когда я с ними, своими ребятами, я будто снова двадцатилетняя девчонка, веселая, деятельная, любящая посмеяться и посмешить. Мы постоянно хохочем в офисе, иногда даже соседи спрашивают, что у нас там такое происходит с явным, плохо скрываемым желанием и самим присоединиться к нашему бурному веселью.

Мне всегда нравилась спонтанность. Спонтанно удивлять, спонтанно шутить, спонтанно работать и спонтанно любить. Но из всего моего «спонтанно» мне пока удается реализовывать лишь первых три. Да и то с большой долей условности. Удивить и пошутить спонтанно с Толиком – это все равно, что от переизбытка чувств броситься в танцы на концерте классической музыки. Ну и что с того, что делаешь это ты из благих побуждений и от широты души – все равно останешься непонятой и осмеянной. С родителями и подругами мои «импровизации» действуют и даже имеют у них успех, но все равно потом я слышу от них что-нибудь типа того: «На третьем десятке не мешало бы тебе стать уже посерьезнее». Мои ребята на работе мне такого никогда не скажут. Возможно просто от того, что я плачу им деньги, вот они и помалкивают, а сами думают где-то во время моих выплесков спонтанности «Ох и накрыло нашу! Ведет себя, как ребенок, а самой уже давно пора взрослеть». Как бы то ни было с ними, моими ребятами, я стараюсь об этом не думать. Сдерживаю себя немного, но и даю себе волю шутить, улыбаться, смеяться от души. И совершать маленькие необдуманные поступки.

Аня собирает заказы, Кирилл их упаковывает, Настя вежливо разговаривает с покупательницей, лучи солнца беспрепятственно прорезают небрежно висящие куски жалюзи. Я смотрю на все это и мне становится понятно, что я хочу что-то «вытворить», но я не знаю, что. Начинаю шутить с Аней, включается Кирилл и уже через пару фраз мы все вместе заливаемся дружным смехом. Потом успокаиваемся, ребята продолжают каждый заниматься своей работой, а я бесцельно шатаюсь по офису. «И зачем я только притянулась сюда сегодня?» – встает в голове немой вопрос. И, естественно не слыша его, и, тем не менее на него отвечая, Аня бросает ничего не значащую фразу: «Может, доставите заказ клиентке? Она там рядом с вами живет».

– Я?

Немного шалею от Аниного предложения, поскольку у нас есть курьер и заказы развозить сама лично я перестала уже давно.

– Ну я подумала... Просто у нее очень большой заказ. Леша его один не довезет, и живет она за городом.

Что-то, не знаю, что именно, меня настораживает.

– Да? А как давно она сделала заказ?

– В среду, кажется.

– А, понятно...

В среду – это на следующий день после того, как я так удачно съездила за пиццей. Ну и какая может быть связь? Да никакой! Нечего себе придумывать.

– Покажи мне пожалуйста заказ.

Смотрю. В заказе ничего подозрительного. Просто очень много косметики на приличную сумму, а по адресу действительно рядом, я очень хорошо знаю этот адрес, потому что почти по такому же находится и дом моих родителей. Если Леша, курьер, не согласится отвезти заказ, я его точно отвезу и заодно навещу маму с папой. Но наш Кирилл, этот рыцарь без страха и упрека, уже тут как тут.

– Я отвезу.

– Ты уверен? – все еще проверяю, хочет ли судьба устроить так, чтобы я отвезла этот отчего-то настораживающий меня заказ.

– Да, конечно. Что вы будете с этими тяжелыми пакетами ездить? Я отвезу.

– Это тебе будет не сложно?

И Кирилл ласково улыбается в ответ, давая понять, что вопрос неуместен, а ответ на него очевиден.

Я выделяю еще несколько раундов по офису, потом иду к Насте, движимая жаждой деятельности и страстно желая проконсультировать сейчас какого-нибудь клиента. Но такого на месте не находится, я жду с полчаса, не появится ли он, болтаю с Настей о том о сем и наконец решаюсь: все, я еду домой. Для ребят – я еду домой. А на самом деле я еду как бы домой, но чуть дальше дома. Я не выдержу, если сегодня же не обследую весь наш поселок, не заеду по возможности в каждый двор, не прокачусь медленно туда и обратно по главной дороге и не остановлюсь на каждом светофоре, высматривая Его и его черный блестящий автомобиль.

Послеобеденное время нарядной солнечной зимы. Мне отчаянно хочется есть и еще отчаяннее в голову рвется мысль о том, чтобы заехать в мою любимую пиццерию, где два дня назад... Стоп. «Это противоречит твоему заведенному распорядку. Вторая пицца за неделю. Куда это годится?» Дисциплина и еще раз дисциплина и умеренность в еде и поступках, иначе так можно бог знает до чего докатиться. Выезжаю на широкую шестиполосную дорогу из города. Чуть вдалеке поднимается на кольцевую изгибающаяся вправо, плавная, покрытая теплым равномерным светом развязка. Вот он – мой решительный миг. Так велик соблазн повернуть! Я чувствую пиццу на своих губах, но первое, что я чувствую – это мимолетная надежда, что именно там-то я опять Его увижу. В моем носу уже запах пиццы, я ощущаю кожей то же солнце, которое светило мне тогда, я мысленно вижу опять ту же машину, в том же блеске, красоте, загадочности, я вновь ловлю на себе тот же взгляд, но на этот раз просто взглядом, просто молчанием все не ограничивается. От приятности нахлынувшей фантазии я прикрываю глаза и когда открываю их, то все еще еду прямо. У меня остается последняя возможность, чтобы повернуть. И я очень хочу это сделать. И все же не делаю. Я продолжаю ехать прямо. Мне сейчас так хорошо, меня согревает приятное послевкусие от красивой романтической фантазии. А что будет, если я туда приеду и на месте не окажется никого? Что меня согреет? Кусок пиццы? Да, на какое-то время. А потом опять будни, опять серость, какое бы яркое солнце не стояло на небе. И дальше еще хуже – угрызения совести, что отбилась от рук, нарушила правила дисциплины и ради чего? Ради того, чтобы остаться разочарованной и раскормленной? Сейчас у меня есть хотя бы мечта и самоуважение. А если я стану судорожно носиться за пиццами каждый день с единственной надеждой – подкараулить Его, то у меня не останется ни того, ни другого.

В поселок я въехала, не спеша, и уже спокойная, в приподнятом настроении решила осуществить свой план. Сначала поехала по главной дороге с одного конца в другой, потом начала методично объезжать все боковые ответвления, улочки и закоулки. Намеренно пропустила улицу, где стоит дом моих родителей. Не хватало, чтобы они меня засекли за этим странным занятием. Еду и посмеиваюсь, и приговариваю: «Какая же ты дурочка! Ну что ты устроила? Разве можно вот так кого-нибудь найти?». Дальше еду во дворы, пару лет назад

выстроенных, длинных многоэтажек. Они примыкают к сосновому лесу и на его темно-зеленом фоне смотрятся такими нарядными и веселыми в своих оранжевых, красных, салатовых красках. Настроение от этого вида у меня поднимается еще больше. Дворы я проезжаю медленно, но не настолько, чтобы возбудить интерес у прохожих, деловито заглядываю на парковки, высматриваю один тип машины – высокая, округлая и черная. Иногда глаз ухватывает что-то похожее, но уже в следующую секунду становится понятно, что то что выхватил глаз, лишь отдаленно напоминает то, что я действительно ищу. В последнем дворе, расположенном между домом и лесом я вдруг отчетливо понимаю, что ничего и никого здесь не найду. И все же что-то успокоительное является мне в этих забавных, хоть и напрасных поисках. Как будто я отчиталась сама перед собой, что не сижу просто, сложа руки, а что-то делаю, что-то предпринимаю, следую, так сказать, за мечтой. Справа остается еще одна большая парковка с машинами, она чуть в стороне от дома, где я стою, и выглядит, как расчищенная прямоугольная полянка в лесу. Я думаю свернуть к ней и убедиться, что и там не окажется того, что я ищу. Но тут звонит Толик. Я не хочу отвечать ему вот прямо сейчас, пока я тихо прощаюсь со своими надеждами. Но я и не поворачиваю на эту стоянку. Какой смысл, если шансы ничтожны?

Возвращаюсь домой холодная, голодная, опустошенная и уже дома набираю Толика.

4

Сразу же слышу в трубке недовольно-вялое и усталое «Алло!», которое предвещает мне немалые проблемы.

– Привет! Ты звонил? Как дела? – проговариваю вроде и уверенно, однако понимая, что у Толика есть все основания обвинить меня чуть ли не в любых смертных грехах, и потому я стараюсь тщательно голосом замаскировать нервное волнение.

– Вот ты и сыскалась пропажа! Это как понимать? Я тебе третий день звоню, ты трубки не берешь, потом вообще выдала номер – сбросила меня. Как это вообще называется?

Это называется крутой наезд, но не с моей стороны. Со стороны Толика. Я его уже знаю, как облупленного. Если наезжает, то выхода два: упасть на колени (в прямом смысле слова) и залиться горячими слезами или сделать ответную «наездочку». Поскольку упасть на колени по телефону по понятным причинам я не могла, то оставался только второй вариант.

– Толик, почему ты на меня голос повышаешь? Я что, виновата в чем-то перед тобой? Ты даже не слушаешь моих объяснений, а уже орешь, как взбесившийся медведь!

– Я? – теперь он точно зарычал, как медведь.

– Да, ты!

– Нет ты меня послушай, детка, это ты что-то там попутала, раз думаешь, что можно вот так человека швырять, как мяч. Я тебе не...

Дальше шла ненормативная лексика, которую Толик, любитель йоги и книг по саморазвитию, участник групп Вконтакте, посвященных Кийосаки, Шарме, Хиллу и другим гуру позитивного мышления и оптимистического пути развития личности, всячески искоренял из своего лексикона, но тем не менее так и не искоренил и потому употреблял регулярно. И естественно основной помехой искоренения являлся не кто иной, как его непутевая девушка, то есть я. Уж очень необходимы были грубые, неприличные слова в его нелегком и совершенно позитивном деле моего перевоспитания.

Я выслушала его двухэтажный, переходящий на третий этаж, мат и впервые ощутила странное безразличие. Если раньше я сразу же бросалась доказывать ему обратное, волновалась, переживала, что же теперь будет, то сейчас, в данный момент, его эмоциональный выплеск вызвал во мне только равнодушное презрение.

Молчу, стоя у окна. На улице как-то в один момент стало скверно: бескрасочно и безрадостно. Солнце ушло куда-то далеко-далеко за сивую плотную дымку туч, стал накрапывать мокрый невидимый снег. Совсем не то, что было еще пару часов назад, и уж совсем не то, что было пару дней назад.

– Алло, ты меня слушаешь? Алло! – горлопанит Толик.

– Да. Я здесь, – отвечаю тихо и очень хочется добавить «Ну чего тебе надо?».

– Ты мне что-то собираешься ответить или как?

На язык напрашивается «Или как», как в фильме моем любимом, но понимаю, что это приведет по меньшей мере к недельной ссоре и самым моим нестерпимым (хотя конечно напускным) мучениям. И даже после того, как я перед ним извинюсь, это «Или как» будет вспоминаться мне чуть не ежедневно, ставиться в укор мне и в заслугу себе, Анатолию, что он мол простил такую бесчувственную грубиянку и все из-за большой, незаслуженной мною любви.

Я на автомате тараторю:

– Толечка, ты все не так понял. Я правда не могла тебе ответить, чтобы не расстраивать. Давай ты заедешь завтра, и я тебе все объясню. Ты же мой самый умный, самый добрый и понимающий.

И прочую лживую ахинею...

Еще минута ушла на всякие сюсюканья, комплименты и уверения его в его же собственной исключительности, значимости и незаменимости для меня, да и для всего мира до кучи. Наконец утихаю со своими дифирамбами.

Уже заметно более раздобревший, хотя и все еще хмурной голос бухтит в трубку:

– А почему завтра? Чего сегодня заехать не могу что ли?

Ну что ему ответить? Что была б моя воля, то век бы тебя не видала? Потому что в нынешнем моем состоянии так мне и чувствуется, и желается. Но я-то девушка благоразумная, дисциплинированная и с головой «дружащая» и потому ничего лучшего, как промямлить:

– Сегодня я себя плохо чувствую. Давай лучше завтра, милый!

– Нет уж, милая! – передразнивает он меня, – Сегодня! И никаких отговорок.

Что-то хочу возразить и что-то даже возражаю, но может оттого, что Толик – телец, а может просто оттого, что характер у него такой, он упирается и стоит на своем. Такое «стояние на своем» на него находит частенько, тогда я уже знаю, мне проще согласиться, чем его уговорить. Я соглашаюсь и на этот раз.

Мы прощаемся в трубку, и я уныло представляю себе предстоящий вечер. Сначала будут извинения, я намелю какую-нибудь чушь, что приболела по-женски и не хотела его тревожить понапрасну. Толик все эти женские темы терпеть не может, и я точно знаю, что на том расследование и завершится, но не завершится, к сожалению, его обиженность и дурное настроение. И потому мне придется вкусно его накормить, в сто двадцать пятый раз расхвалить и потом конечно заняться с ним сексом. Хотя у нас это правильнее назвать зарядкой с пыхтениями и сопениями Толика. Он кажется думает, что чем больше пыхтит и сопит, тем больше показывает, как старается и тем больше я от его старания, потому что больше не от чего, получаю удовольствия. Потом я конечно как всегда скажу, что он вот сегодня вот просто, как никогда, вот прямо превзошел себя и доставил мне такое удовольствие! Мы возможно ещё посмотрим телевизор часик-другой, если Толик не сильно устал на работе, а если устал, то сразу же заведемся спать. Всю ночь я буду подмерзать и просыпаться, потому что Толик утаскивает на себя все одеяло, ближе к рассвету мне это надоест, и я достану из шкафа плед. Но уснуть мне все равно не удастся, потому что как раз в это время Толик как раз переворачивается на спину и начинает громко, с хрюканьями и булькотаниями храпеть. Утром он запретит мне есть мои любимые слойки с ветчиной и сыром, потому что я и так, как он накануне успел заметить, порядком уплотнилась. Вместо них он приготовит пресный и невкусный омлет с луком, спаржей и помидорами. Я буду давиться этим омлетом, приговаривать, как вкусно, как свежо, как прекрасно сочетаются продукты, а сама втайне буду ждать его скорейшего ухода, чтобы насладиться желанными слойками. До своего ухода он за столом поинтересуется делами в магазине и потом уйдет, смачно так, звонко чмокнув меня в губы. У меня после его ухода промелькнет в голове непрошенная грустная мысль: «Неужели этого я хочу до конца своей жизни?». Я отгоню ее, как своевольную муху, перепутавшую адрес и случайно залетевшую в мой дом. Ведь есть же что-то в Толике и хорошее, его заботливость, его надежность, его порядочность, в конце концов. В моей памяти запечатлелось множество красивых счастливых моментов наших с ним отношений. Только вот незадача – вспоминать эти моменты мне с каждым днем становится все труднее и труднее. А вспоминать мне их нужно как можно чаще, иначе муха так и не покинет моего дома.

5

Толик явился, и все произошло именно так, как я и ожидала. За исключением лишь одного небольшого, но очень значительного обстоятельства. Уже Толик приготовился было меня поцеловать на прощание, как неожиданно замялся, отстранился и так будто между прочим пробубнел:

– Там я думаю летом не плохо бы нам и свадьбу сделать.

– Что? – я так сказать «выпала в осадок».

– Ну летом я думаю поженимся уже. Чего тянуть? Июнь лучше всего, потому что в марте я покупку квартиры запланировал.

Тут-то я не удержалась и воскликнула:

– А мне сделать предложение, как положено, ты не запланировал?

Не знаю почему, но в лице, а у ж тем более в глазах стало невыносимо жарко, слезы глубокой обиды подступили под самые веки и вот-вот готовились переполнить их и вылиться наружу. Я отвернулась и шмыгнула носом так, как будто у меня насморк, и я прочищаю нос, на самом же деле я пыталась прочистить глаза.

– Ты что? Какое предложение. Я ж еще летом на даче у твоих родителей сказал, что мы поженимся. Ты и слова против не сказала, а они уж тем более. Только обрадовались, что избавляются, наконец, от такого счастья.

Он мерзко, противно хихикнул со своей «шутки».

Теперь уже злобное отчаяние с примесью обиды и униженности овладело мной. Я все еще стояла, отвернувшись от Толика и шмыгая носом, хотя по правде сказать, мне очень хотелось повернуться к нему, вцепиться ему в волосы и раз и навсегда вытурить его из своей квартиры и из своей жизни.

– Извини, перегнул палку с этой шуткой, – наверное что-то почувствовал он. – Хочешь, поедем к твоим родителям, и я при них как надо сделаю тебе предложение. Хотя я действительно не вижу в этом никакой необходимости.

Я отошла в тень, куда не падал свет лампочки из коридора, поморгала часто глазами, чтобы слезы из них повыкапывались мне на щеки, торопливым движением стерла их, повернулась лицом к Толику и спокойно безучастно произнесла, будто вынесла сама себе приговор:

– Не надо. Это так, на меня нашло что-то. Летом, так летом. Я согласна.

Он и бровью не повел, расцеловал меня как обычно на последок и скрылся в дверях.

Брак, семья, потом дети... Что-то здесь не так, чего-то не хватает. Хочу позвонить кому-нибудь и поплакаться. Но плакаться-то на что? На то, что я замуж выхожу летом за достойного, надежного мужчину? На то, что у меня наконец-то появится семья, и я буду гордо именоваться женой?

Набираю Инну. Она бессменно оптимистична:

– Привет, малышка! Как дела? Давно тебя не слышала!

– Инночка здравствуй! Ты не против, если я заеду за тобой через часик, посидим где-нибудь, поболтаем. Мне очень надо!

Паузы практически нет и Инна, даже не задумываясь, соглашается:

– Конечно, малышка, давай! Через час подъезжай ко мне! Если хочешь, можем у меня посидеть, все равно Женя уехал, а дети еще в школе.

Радостно соглашаюсь и бегу одеваться. Вот за что люблю Инну, так это за ее всегдаготовность и отзывчивость!

С Инной мы познакомились года три назад, работали в одной организации. Она занималась продажами, я занималась рекламой и поскольку направления эти тесно переплетались, то само собой, что и мы с ней переплелись. Невзрачная с виду, Инна при ближайшем зна-

комстве умела просто-таки очаровать любого человека. Ее обожало руководство, ее боготворили клиенты и ее мнению всецело доверяла я. Особенно в тех вопросах, которые касались личной жизни. Толстой написал в «Анне Карениной» свою знаменитую фразу «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Так вот, как любила повторять Инна, Толстой бы удивился, увидев ее семью, потому что она была счастлива. Но по-своему.

Жили они с её мужем, Женей, в достатке, по меркам нашего города даже в богатстве, воспитывали двух детей: мальчика восьми лет и девочку шести, много путешествовали, отдыхали, поддерживали друг друга и защищали, словом были во всех смыслах образцово-показательной семьей. За исключением нескольких «но». Во-первых, муж Инны, Женя, был при всех его многих достоинствах совершенно лишен одного, но главного, пожалуй, для каждого мужчины – щедрости. По этой причине моей бедной подружке приходилось постоянно хитрить и вертеться, занюкивать деньги и незаметно для мужа их тратить. Но это, как говорила Инна ее нисколько не огорчало, потому что она приучилась и приловчилась к его недостатку и теперь спокойно с этим жила. Вторым «но» было то, что после десяти лет брака чувства между ними поутихли, как это бывает очень часто, и оттого Инна тоже, как это часто бывает, завела себе любовника. Также у нас с ней имелось подозрение, а потом появились и доказательства, что и Женя не без греха, и что у него тоже есть любовница. И наконец третьим «но» как раз и являлось то, что каждый из них и Инна, и Женя знали все-таки о своих связях на стороне, но друг другу этого не показывали и даже в небольших стычках друг с другом на них не намекали, а продолжали жить вместе, как ни в чем не бывало, при этом еще и подчеркивая при случае, что верность для них в отношениях стоит на первом месте. Этой «пыли в глаза» и себе, и окружающим я, честно говоря, не понимала, но зная их как счастливую семью, а Инну как мудрую женщину, полагала, что видимо так и надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.